

Николай Витинг
На пороге вечности

Воспоминания

Николай Витинг

**На пороге вечности.
Воспоминания**

«Издательские решения»

Витинг Н.

На пороге вечности. Воспоминания / Н. Витинг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969329-7

Воспоминания художника Николая Витинга — это не просто дневник или хронологическая последовательность событий из его жизни. На страницах этой книги нашли отражение личные переживания и философские рассуждения об искусстве и жизни, впечатления о встречах с известными людьми того времени. Николай Витинг предельно откровенен с нами в своих воспоминаниях. Это даёт нам редкую возможность увидеть его внутренний мир и лучше понять таинственную силу его художественных произведений.

ISBN 978-5-44-969329-7

© Витинг Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

На пороге вечности Воспоминания

Николай Витинг

*Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.*

Ф. И. Тютчев.

Для оформления обложки использован автопортрет автора

Корректор Венера Ахунова

© Николай Витинг, наследники, 2019

ISBN 978-5-4496-9329-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Видимо, есть какая-то закономерность в том, что в старости появляется потребность оглянуться на пройденный путь.

Первая война, революция Февральская, Октябрьская, сталинизм, война 41-го года... Немало самых контрастных перемен выпало на долю людей моего возраста. Но разве только этими вехами определялась жизнь современного художника?

Но вот личные этапы...

Пожалуй, это было так: живопись отца и старшего брата Гордика, Третьяковская галерея, Куркин, коллекция дяди Ромео, выставка немецких экспрессионистов, французская выставка 1928 г., К. Ф. Морозов, студия при Д. Х. В., Штейнбрехт, Беликович, Юон.

И, наконец, значительнейший в моей жизни этап – «Цех живописцев»: Н. Ф. Фролов, Суряев, Голополосов и вершина всего – Александр Сергеевич Голованов.

А затем опять Третьяковка – совсем другая. Маляревская. Смерть отца. Институт. С. В. Герасимов. Кугач. Студия Грекова.

И, наконец, второе дыхание – 1957 год. Кривая медленно идет вверх.

Помню хорошо Первую мировую империалистическую войну, помню Февральскую революцию и последующие тревожные месяцы.

Часть первая

Жили мы тогда в Брянске, вернее, на железнодорожной станции Брянск, которая далеко отстоит от самого города.

Отец, инженер-путеец, был начальником участка пути. Станция Брянск – крупный железнодорожный узел, где проходили Киевско-Воронежская и Риго-Орловская железные дороги.

Отец был художником-любителем. Альбомы Третьяковской галереи, выпуски заочной школы живописи помню с детства. Помню в этих выпусках статью о Репине, семидесятилетний юбилей которого пришелся на военные годы, а также удивившую меня своей непонятностью репродукцию с картины Кандинского.

И вот Февральская революция, которая совпала с весной. Конец зиме, бурные потоки талой воды. Конец зиме, конец самодержавию. Волнующе и радостно было у всех на душе.

Помню маленькую тетрадь, в которую мать переписывала революционные песни: «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», «Марсельезу» и др. Шились первые красные знамена. Все это волновало, было совершенно новым, неожиданным и радостным, как весенний ветер.

Почему-то врезалась в память подаренная мне серия открыток, изображавшая в виде детей отдельные тогдашние политические партии. Жаль, что они у меня не сохранились. Кто был их автором-художником, я, конечно, не помню, но сделаны они были ярко, красочно. Помню открытку: большевика и меньшевика, взявшихся за руки. Но особенно во впечатлительной детской памяти сохранилось изображение анархиста: мальчишки со спустившимся чулком, с дымящейся бомбой в руке, в черной шляпе и красном плаще. Он был очень эффектен и запомнился надолго.

Помню первые газеты с портретами Керенского, которого критически и с любопытством рассматривали родители: вот кто пришел на смену царю.

Октябрь и последующие месяцы становления советской власти в пристанционном брянском поселке проходили тревожно и драматично.

Помню впервые услышанные ненастным осенним днем отрывистые ружейные выстрелы и бегущего через наш двор пригнувшегося человека в серой солдатской шинели.

Вскоре после Октябрьской революции и установления советской власти в Брянске двумя пехотными полками был поднят мятеж. Рассказывали, что руководитель брянских большевиков вышел навстречу мятежному броневнику, пытаясь остановить его, но тут же был расстрелян пулеметной очередью.

Наступили и для нашей семьи тревожные дни. Поздно вечером к нам заявила группа мятежных солдат. Помню их хорошо, когда они стояли на кухне в грязных помятых шинелях. Обращало на себя внимание, что на некоторых из них висело по несколько винтовок. Они потребовали отдать оружие. Мы сказали, что у нас нет оружия. Помню хриплым голосом сказанную фразу: как, у начальника участка и нет оружия?!

Начался обыск.

Но тут нужно сделать некоторое отступление.

Детские воспоминания у меня связаны с обилием оружия. Даже в брянском доме у нас было две винтовки, шашка и несколько револьверов. Все это оружие я помню хорошо. Одна винтовка – берданка – большая, тяжелая, с потемневшим коричневым ложем красивого оттенка, с хорошо смазанным затвором, однозарядная. Другую почему-то называли карабин – короткая, легкая, с красивым ложем, с магазином, в который вставлялась обойма с пятью патронами. Край обоймы вставлялся в магазин, сверху сильно надо было нажать на патроны, и они, как по рельсам, соскальзывали внутрь. Хорошо помню шашку, ее сверкающее лезвие и глухой стук рукоятки, когда она вкладывалась в ножны.

Старший брат Гордиан впоследствии был одним из организаторов комсомольской организации в Брянске. В красивой деревянной шкатулке у него хранился револьвер.

Сейчас кажется странным, даже невероятным, что мы, дети, имели доступ к этому опасному оружию. Конечно, родители нам запрещали трогать весь этот арсенал, но в их отсутствие этот запрет не соблюдался.

Итак, начался обыск...

Я, тогда еще мальчик, наивно думал – почему бы ни отдать оружие, если оно есть, зачем обманывать и говорить, что его нет.

Солдаты быстро осмотрели комнату, где жили бабушка и слепой дедушка, и направились в столовую.

Чуть ли не под носом у них мама взяла шапку и поставила ее в темный угол за камином. Ах, уж этот камин! Столько воспоминаний детства связано с ним. Но это особая тема.

Мятежные солдаты каким-то чудом не заметили мамино маневра и прошли в кабинет отца.

В кабинете стоял телефон. Один из солдат снял трубку и вызвал вокзал. Но тут случилось неожиданное. Выяснилось, что вокзал занят красными. Произошел грубый солдатский разговор, и мятежники, толкая друг друга, бросились из нашей квартиры. Мы долго еще не решились раздеться и лечь спать.

Ночью же зазвонил телефон, звонили из Москвы. Оказывается, зеленые – так именовались тогда мятежные солдаты-дезертиры – разобрали железнодорожный путь, и из Москвы потребовали восстановить путь, чтобы мог пройти красный бронепоезд для подавления мятежа.

Глаза слипались, хотелось спать, и, засыпая, я представлял, как отец где-то там ночью руководит укладкой рельсов, ожидая, что вот-вот зеленые откроют по ним огонь.

От знаменитого брянского леса сад нашего дома отделяло только шоссе. По этому дремучему лесу долго еще после подавления мятежа бродили отдельные группы зеленых. И в лес было опасно ходить.

Старший брат участвовал в задержании остатков этих групп.

Кстати, с камином детства я встретился вновь в суровом военном 1943 году, когда в качестве военного художника снова попал в дом, где я родился. Потолка в столовой не было, зияло небо, а около камина была груда щебня, поросшая травой – дом, видимо, был разрушен еще при наступлении немцев. Но камин был цел и по-прежнему Самсон, изображенный в горельефе над камином, раздирал пасть льву.

Конец 1919 года. Мы в Москве. Сюда отец был переведен в управление Курской железной дороги.

Москва была вся еще в ранах. Были видны всюду следы прошедшей бури.

Запомнились Никитские ворота, где проходили особо сильные бои: скелет многоэтажного дома и напротив него на небольшом здании на углу громадная вывеска-реклама с изображением толстого человека – «Курите папиросы «Дядя Костя». Эта реклама, сделанная, видимо, из кровельного железа, вся, как сито, была изрешечена пулями. Около памятника Гоголю у Арбатской площади – стилизованные бронзовые львы. Долго еще на них было много пробоин от пуль. Хотя памятник сменили, но и сейчас еще можно видеть на львах заплатки из металла на месте следов революционных пуль.

По-прежнему у нас, мальчишек, было много оружия. На чердаках оно попадалось часто. Брат нашел шикарный семизарядный «Штайер». Крупный, красивый, почти новый, отливавший синевой вороненной стали. У нас сохранилась фотография-натюрморт, где заснята целая груда оружия: винтовки, пистолеты, револьверы, штыки, тесаки и т. д. В лесу у станции Белокаменной мы обнаружили в яме под водой склад ручных гранат и снарядов. Даже бросали их, но они, к счастью, почему-то не взрывались. Видимо, долго пролежали в воде.

Недалеко от нас находилось здание бывшего Александровского юнкерского училища – ныне Министерство обороны. Это училище было одним из последних пунктов оборонявшихся белых. И, наконец, около музея изобразительных искусств мне выпало большое счастье – увидеть Ленина. Это был ясный солнечный день. Снова была весна. В лицо веял молодой весенний ветер. Это было в 1920 году. Мы жили тогда в Малом Знаменском переулке. Теперь это улица Карла Маркса и Фридриха Энгельса. К этому переулку примыкает задняя сторона музея изобразительных искусств. В палисаднике музея валялись громадные бронзовые крылья орлов, снятых с памятника Александру III. Здесь мы играли в казаков-разбойников, в войну, в другие вековечные игры. В полых крыльях поверженных орлов было удобно прятаться.

Под Каменным мостом очень мелко. С камня на камень можно перейти Москва-реку. Можно зайти в громадную трубу-тоннель, по которой в Москву-реку впадает Неглинка. Но далеко по Неглинке не пройдешь – жутко. А сама эта Неглинка – слабенький ручеек в 10—15 сантиметров глубины, грязный, вонючий.

В Александровском саду густая трава. Красноармейцы поручают нам, мальчишкам, пасти там лошадей, купать их в Москве-реке.

Александровский сад – у стен Кремля. А для нас, ребят, Кремль – это Ленин. Великий вождь революции... и так близко. Воображение ребят было захвачено этим чрезвычайно. Мы узнавали безошибочно знаменитый роллс-ройс. Его гудок отличали от всех других.

И вот самый знаменательный день. Помню – позднее я уже установил, что это было 1 мая 1920 года – мы выбегаем с Малого Знаменского переулка на Антипьевский (теперь улица маршала Шапошникова) и замечаем: у бокового входа музея стоит заветный ленинский роллс-ройс. Конечно же – к этой машине. Никакой охраны. Можно даже стать на подножку машины, можно нажать резиновую грушу гудка.

Но вот появляется в дверях сам Ленин в сопровождении нескольких человек. Они о чем-то оживленно и, как мне показалось, весело разговаривают.

Ленин сел в машину, ласково посмотрел на нас и улыбнулся.

Воспоминания детства и без того бывают ярче и отчетливее, чем все последующие. А здесь еще такое. Не знаю, была ли уже тогда во мне заложена необходимая художнику зрительная память или подсознательно я понимал значительность события, но лицо Ленина, весь его облик запечатлелся в моей памяти с предельной силой. У него, видимо, было хорошее настроение, лицо как бы светилось изнутри. Не помню, был ли тогда солнечный день, но осталось ощущение обилия всепроникающего весеннего света. Одно короткое мгновение запечатлелось в моей памяти, как внезапно остановившийся кинокадр. Цвет лица, сощуренные в лукавой улыбке глаза и почему-то присутствие голубого света, должно быть, по контрасту к лицу. Возможно, благодаря этой встрече с Лениным, все его портреты впоследствии мне казались недостаточно выразительными.

Ленин в тот знаменательный для меня день приезжал на выставку проектов к памятнику Освобожденному Трудю, развернутую в музее. Жаль, что мне тогда было всего 10 лет и я не понимал смысла происходящего. А происходящее имело прямое отношение к теме «Ленин и изобразительное искусство», поскольку касалось посещения Лениным художественной выставки. К сожалению, и сама выставка совершенно не отложилась в моей памяти. Встреча с Лениным, да еще в такой близости – в 2—3 шагах, заслонила все остальное.

Несколько слов о самом входе в музей с Антипьевского переулка. Это не тот узкий и маленький проход, откуда теперь выходят все посетители музея и откуда иногда впускают художников на «боевые» выставки, а тот, который находится значительно дальше по этой же стороне. С высоким порталом, парадной лестницей, с большими высокими дверями.

Этот вход всегда закрыт. У меня такое впечатление, что он только тогда, в 1920 году, и был открыт.

И теперь, наверное, мало кто знает, что по его ступеням проходил Ленин.

Очевидно, когда-нибудь у этого входа будет установлена соответствующая мемориальная доска.

1 же мая 1920 года состоялся митинг по случаю закладки памятника Освобожденному Трудю.

На митинге выступил Ленин, но здесь он уже был далеко.

Новый памятник предполагалось соорудить на месте памятника Александру III, после свержения которого остался грандиозный пьедестал с роскошными подходами-лестницами из красного гранита. В конце этих лестниц стояли огромные шары, выточенные из такого же гранита. Много лет спустя эти шары были установлены в Центральном парке, где, по-моему, они стоят и поныне. На самом пьедестале был прикреплен металлический картуш с надписью, объявляющей, что здесь будет сооружен памятник Освобожденному Трудю.

Впоследствии надпись на пьедестале заржавела, а памятник так и не был сооружен.

Зимой, когда ступени подходов к памятнику засыпало снегом, было очень здорово кататься на санках там, делая широкие виражи.

Дом в Малом Знаменском переулке, где мы жили, находился во дворе и имел три этажа. На первом была рамочная мастерская, хозяин которой тут же и жил, на втором жила тетя Клеманс, мы занимали весь третий этаж. В соседнем доме жил инженер Бриллинг, испытывавший свои трескучие двигатели на Москве-реке.

1930 год. Весенний день. Я качу в пролетке с художником Михаилом Васильевичем Оболенским... Московский извозчик... Боже, как же это давно было! Он едет рысцей. В ногах у нас большой сверток серого холста. Предназначается он для обтяжки выставочных щитов. Михаил Васильевич – представитель Общества художников-реалистов. Это Общество взаимобразно предоставляет холст Обществу «Цех живописцев» в моем лице. Погода немного сырая, улицы Москвы – живой Писсаро. Оболенский говорит об импрессионистах. Мне 20 лет.

5-я выставка «Цеха живописцев» – для меня первая.

Актный зал МГУ. Работы наших корифеев живописи – А. С. Голованова, А. В. Шевченко.

С тех пор прошло уже 45 лет, а впечатления свежи, как воспоминания первой любви. Помню Бориса Александровича Голополосова. Невысокого роста, плотный, говорит несколько сиплым голосом. Обвинял в жестокости С. В. Герасимова. Не думал я тогда, что Сергей Васильевич будет моим учителем. Я потом часто возвращался к этой оценке. Сергей Васильевич был твердым, но... жестоким?..

Помню, когда в институте ввели плату за обучение, он давал наиболее нуждавшимся студентам деньги. Жестокость... слово это не вязалось с этим сильным человеком. Я как-то встретил его на территории стадиона «Динамо», когда он был уже неизлечимо болен. Он просто гулял. Никакой надломленности, но и никакой наигранной бодрости. Спокойная твердость. А он, конечно, знал, что был обречен.

Видимо, искусство – это война.

В одном из писем Достоевский пишет о поседении французского пантеона. Руссо и Вольтер сейчас мирно лежат рядом, но что было при жизни...

Но нет, это не то. У искусства один путь.

Итак – «Цех живописцев». Но воспоминание о нем хотелось бы начать с впечатления, полученного сегодня. Клара Калинычева сказала мне, что «отверженные» художники пытались устроить выставку на каком-то недостроенном стадионе под открытым небом. И эта попытка была «подавлена» при помощи бульдозера. После этого выставку официально разрешили устроить в ближайшее воскресенье в Измайлове (в это время моя мастерская была там).

Только никто не знал, где будет эта выставка. Не знал этого даже Валентин Поляков. Пришлось позвонить Б. И. Костину. Он точно объяснил, где и в котором часу.

Выставка состоялась 29 сентября 1974 года с 12 часов дня.

Стояла чудная осень, теплые безветренные дни. Уже в метро я обратил внимание на специфичность публики: это была, в основном, молодежь, одетая по моде, с соответствующими прическами и бородами. Девушки в модных штанах. Выйдя из метро, мне не пришлось искать путь, рассказанный Костиным. Нужно было только идти за толпой. В руках некоторых были явные атрибуты художников.

Мы вышли на огромную поляну. На ней уже сверкали расставленные металлические мольберты. Кое-где художники распаковывали свои произведения. И вот через несколько минут все ожило. Работы были расставлены на мольбертах, и толпа прильнула к ним.

Зрителей было несколько тысяч, художников – человек сорок-пятьдесят. Каждый показывал по несколько произведений. Творческий диапазон выставленных работ был очень широк. Не было, пожалуй, только откровенно фотографических, натуралистических и академических. Как раз того, чем мы сыты по горло. Правда, была просто фотография – портрет старушки – сделанная на хорошем художественном уровне.

Смотреть было очень трудно, каждый стремился протиснуться к холстам, создалась давка.

Сначала я пытался фотографировать и одновременно записывать фамилии художников, надеясь, что потом по фотографиям разберусь, но затем сообразил, что фотографии, скорее всего, не получатся, и уже стал делать короткие заметки о характере живописи. Но толкотня мешала нормальным записям. В результате получился такой список: 1. Игорь Сенявин. 2. Юрий Жарков. 3. Воробьев. 4. Мастеркова. Затем выставлялись в ЦДРИ. 5. Заневская? (темпера). 6. Савельев. 7. Калугин. Лубок со стихами про девицу. 8. Зевин. Сюрреализм. 9. Шевелева. 10. Герловин – почти чистый холст. Ироническое замечание – холст, приготовленный для живописи. Подпись в центре тепловато-желтого холста. У кого-то на картине в центре круг, и в этом круге имя автора. 11. Никита Алексеев. Рельефы из тепло-серого, не то папье-маше, не то картона. 12. Мышков. Пастозная, абстрактная. 13. Борис Борух. Очень интересный. Новый. Почти барельеф. Сильная сверкающая живопись. «Рыба». 14. Лидия Георгиева. «Снег». Снежинки, как наклеенные. Сама автор – с папиросой в зубах, в эффектном костюме. 15. Андрей Мигалин. «Пляж». Обнаженные. Реализм. Несколько карикатурный. 16. Каменев. «Цветы», в окне в горшочке. 17. Дубах. Натюрморт с цветами. 18. Иосиф Каблицкий. Интерьер и пейзаж с лестницей. Символический сюрреализм. 19. Юликов. Зубы. 20. Серебряный. Реалист. 21. Семен Майенберг. Пастозная живопись. 22. Пенанин. Земной шар, к нему прикреплена шприц. По бокам шара приклеены натуральные волосы. 23. Чернышев. Суприматизм. 24. Алферов. В коричневых тонах. 25. Житомирский. Близок к Тышлеру. 26. Леонов. «Царь Робат». Символическая. 27. Рабин. Избушка. Выставлялся в ЦДРИ.

Инициалы большинства участников этой импровизированной выставки, к сожалению, записать не удалось.

В числе зрителей были: Анатолий Иткин, Юрий Могилевский, Виталий Стоцинский, Василий Ракитин, Борис Шейнис, Марина Эльконина и др.

Демонстрация всех запрещенных стилей. Я видел это впервые. Нет сомнения, что для нашего искусства эти выставки будут историческими.

Невольно напрашивается параллель. Свободные выставки двадцатых годов и эта. Там не меньше творческой остроты, но публики, зрителей очень мало.

Мне приходилось дежурить на V выставке «Цеха живописцев» – посетители заходили на нее редко. На сегодняшней – народу столько, что не вместил бы даже стадион им. Ленина в Лужниках.

Почему? Неужели эту популярность создал только один запрет?

К V выставке «Цеха живописцев» по Москве были расклеены афиши. К Измайловской выставке – не только никаких афиш, никаких извещений, но даже в среде художников никто не знал, что она будет. И, несмотря на это, там – пустые залы, здесь – невозможно увидеть картины из-за многотысячного стечения зрителей.

Над этим стоит задуматься.

Меня поразило поведение публики. Конечно, здесь, видимо, было много друзей выставившихся художников, но ведь не несколько же тысяч. Вокруг меня толпились случайные люди, видимо, просто пришедшие погулять в парк. Ведь был воскресный день и чудесная погода, парк в красивой осенней расцветке. Можно было ожидать, что неискушенные зрители будут насмехаться, даже глумиться над непривычными для их восприятия картинами. Как это было на первых выставках импрессионистов. Ничего этого не было. Возгласы одобрения, искреннего восхищения, много раз вспыхивали дружные аплодисменты. Когда это было на наших выставках? И, действительно, работы, даже меня, перевидевшего многое, поражали своей свежестью, яркостью, новизной, смелостью и какой-то задорной молодой откровенностью. Причем, все зрители, видимо, почувствовали ту большую серьезность, которая проявлялась почти во всех работах.

Позже я узнал, что в МОСХе было партсобрание, на котором выступал секретарь МК – Квасов. Он сказал, что организаторы Измайловской выставки хотят проводить ее каждую осень. Причем, следующую выставку провести в нормальном помещении.

Говорили, что в Измайлове был чуть ли не весь дипломатический корпус и правление МОСХа, что на выставке присутствовал Евгений Евтушенко и читал там свои стихи.

Для меня между последней выставкой «Цеха живописцев» и Измайловской есть, несомненно, внутренняя связь, как имеется связь между последним лучом заходящего солнца и первым лучом восхода.

Теперь о «Цехе».

Итак, весной 1930 года состоялась V выставка общества «Цех живописцев».

Был апрель, чудесная весна, была молодость. Выставка состоялась в актовом зале МГУ. Эта выставка была выдающейся даже в ряду значительных выставок 20-х годов. Выдающейся, главным образом, за счет участия двух значительных советских художников, Александра Сергеевича Голованова и Александра Васильевича Шевченко. Для Александра Васильевича Шевченко конец двадцатых – начало тридцатых годов, пожалуй, период наивысшего подъема творчества.

На своем веку мне довелось побывать на многих значительных выставках: выставка немецкого экспрессионизма, выставка французского современного искусства 1928 года, организованная Луначарским, на которой было шесть замечательных картин Модильяни, выставка к десятилетию Красной Армии, впервые показавшая «Оборону Петрограда» Дейнеки, Дрезденская выставка и др., но они не смогли заслонить первого яркого впечатления моей молодости – выставку, на которой я впервые встретился с творчеством Шевченко.

На выставке было более десяти работ Шевченко. Яркие, самобытные, построенные на исключительном чувстве цветовой гармонии и линейного ритма. Особенно мне понравился натюрморт с бидоном, где гармоническое соперничество ломано-угловатых линий стола и металлического бидона с плавными, округлыми ритмами корзины и драпировки придавали особую остроту и выразительность всему произведению. Я уже не говорю о живописных достоинствах картины, проявившихся в глубокой согласованности и продуманности всего цветового строя. Для того чтобы лучше представить натюрморт в цвете, я перечислю цвета изображенных предметов: стол – бронзово-золотистый; груши – желтые; кастрюля – красная; фон – серебристый.

Не менее сильное впечатление, оставшееся на всю жизнь, произвели на меня картины Александра Сергеевича Голованова. К сожалению, этот рано умерший художник сейчас почти

забыт. После его смерти мы – художники – посетили его квартиру и попросили продать нам на память по небольшой картине. Так досталась мне его работа «Москва. Угол улицы» 1929 года. Возможно, это сейчас одна из немногих уцелевших работ мастера. Конечно, ни по масштабу, ни по своей значительности она не принадлежит к наиболее весомым его произведениям. Но по ней, как льва по когтям, можно узнать мастера большого дарования. Сам образ Москвы двадцатых годов отразился в этой скромной по размерам картине с предельной остротой и верностью.

Работы А. В. Шевченко – «Натюрморт с бидоном» и А. С. Голованова – «Москва. Угол улицы» опубликованы впервые в газете «Московский художник» от 7 октября 1976 года, №4 (722).

Голованов был членом ГАХНа, председателем, организатором и душой общества «Цех живописцев». Очень много работ его посвящено Москве.

После его смерти молодежная группа художников «Цех живописцев» пыталась продлить жизнь этого общества и организовала, правда, под другим названием, еще две выставки, но без главного вдохновителя это была уже нисходящая линия.

В 1976 году состоялся вечер памяти А. В. Шевченко, который продемонстрировал большую любовь к его творчеству зрителей и художников. На этом вечере с обстоятельным сообщением выступала искусствовед Ж. Э. Каганская, которая, в частности, сказала, что говорить о произведениях Шевченко – это значит говорить о гармонии пластики, о ритме и музыкальности.

Мне кажется, что эти же качества были присущи и творчеству его верного ученика А. С. Голованова.

Пятая выставка «Цеха живописцев» была одновременно и триумфом этого общества, и его концом. На ней наиболее сильно и полно было представлено творчество А. С. Голованова, самого выдающегося художника этого общества. На этой выставке был экспонирован его знаменитый «Автопортрет», или «Именины автора» – одна из вершин советской живописи.

Значительными работами были представлены А. В. Шевченко, В. А. Голополосов, Н. Ф. Фролов и др.

Что объединяло художников «Цеха»?

Во-первых, формальный признак: наиболее активными художниками этого общества были ученики А. В. Шевченко, группировавшиеся вокруг своего учителя, а во-вторых, общность творческих устремлений. Художники «Цеха» сознательно считали себя экспрессионистами, советскими экспрессионистами. И этот принцип объединял их и отличал от других творческих объединений.

«Цех» прекратил свое существование не только потому, что в 1930 году умер его организатор и вдохновитель – А. Голованов, но и потому, что накануне V выставки наметились среди его членов разногласия, в итоге разрушившие «Цех». Неспроста на V выставке не участвовали такие его основные члены, как В. Кантеров, Р. Барто и другие, тоже видные ученики А. Шевченко.

Теперь несколько подробнее о группе молодых художников – участников V выставки «Цеха» и I, и II выставок ОРИ, к которой принадлежал и я.

I и II выставки ОРИ можно только с большой натяжкой и очень условно считать VI и VII выставками «Цеха», и то только по формальному признаку: большинство участников последних двух выставок были участниками V выставки «Цеха».

Поводом к объединению этой группы было то, что мы все окончили одни и те же художественно-педагогические курсы при Доме художественного воспитания, директором которого была Е. И. Дмитриева, а преподавателями в основном – сын Юона – Игорь Юон и К. Ф. Морозов, окончившие ВХУТЕМАС по мастерской Архипова. Последний, т. е. К. Ф. Морозов, и привел нас в «Цех живописцев».

Между прочим, искусствовед В. И. Ракитин считал выставки ОРИ продолжением «Цеха» с большой оговоркой.

Наиболее близко восприняли принципы «Цеха» я, Р. Штейнбрехт, Ю. Ряжский, В. Кутузов. Экспрессионизму в какой-то степени я остался верен в течение всей своей жизни художника.

Но здесь нужно сделать отступление.

Мой отец очень серьезно занимался живописью, хорошо рисовала мать, до сих пор у меня хранятся талантливые работы старшего брата, умершего в шестнадцатилетнем возрасте.

Я уже говорил, что у нас в доме всегда были журналы по искусству, выпуски заочной школы живописи, альбомы Третьяковской галереи. Но если в детстве мое сознание питали мастера Третьяковской галереи, то после знакомства с «Цехом» меня стала увлекать острота, выразительность и даже эксцентричность, столь типичная для творчества А. Голованова.

Конечно, интерес к экспрессионизму возник у меня не только в результате соприкосновения с «Цехом». Этот интерес начался еще с впечатления, глубоко запавшего в сознание, от выставки немецкого экспрессионизма. Мы выписывали немецкий журнал «Die Woche», и я собирал вырезки репродукций из этого журнала.

Большое значение для формирования творческого сознания имела выставка современного французского искусства 1928 года, на которой было шесть работ Модильяни. А также знакомство и изучение произведений музеев Шукина и Морозова.

Здесь уместно было бы заметить, что художник Олег Кудряшов, творчество которого продолжает линию экспрессионизма, был верным учеником Ю. Г. Ряжского – участника последних трех выставок «Цеха».

Было, пожалуй, еще и одно, быть может, и не значительное качество, которым выгодно отличались выставки «ОРИ» от выставок, собственно, «Цеха». Это производственная тематика.

Если экспрессионизм был формой, то содержанием для нашей группы было изображение труда. Здесь нужно отдать должное направляющему руководству К. Ф. Морозова. Он глубоко заинтересовал нас производственной тематикой. Мы посещали ряд промышленных предприятий, в частности, завод «Серп и Молот», где было сделано много наших работ.

Я никогда не забуду то яркое впечатление, какое произвело на нас движение расплавленного металла, огненные спирали проволоки тянульного цеха, пылающие полосы рельсов рельсопрокатного и т. д.

Можно было бы еще рассказать, как мы, наконец, разошлись с К. Ф. Морозовым, так как хотели остаться верными принципам «Цеха», как ходили на дом к А. В. Шевченко, пользовались его указаниями и практически учились у него и т. д. Можно упомянуть еще и то, что наша связь с основными членами «Цеха» не прекратилась на V выставке. После V выставки была организована художественная студия, которой руководили такие замечательные художники «Цеха», как Н. Ф. Фролов, К. П. Суряев и др. И от которых мы, молодежь, восприняли очень многое. В частности, Н. Ф. Фролов внушал нам принцип единства формы и цвета. Он говорил, что наиболее активному цвету, т. е. красному, соответствует и наиболее активная форма – т. е. круг; наиболее пассивному цвету, т. е. черному, соответствует наиболее статичная форма, т. е. квадрат и т. д. Очень цельными были его указания на то, что, в действительности, нет симметрии, каждая форма неповторима. Это относится не только к человеческому лицу, но и к такой простой и определенной форме, как бутылка. И мы наивно рисовали кривые бутылки и т. п.

Конечно, здесь было много своей демагогии, но и много ценных, профессиональных указаний. Все это говорит о том, что экспрессионизм «Цеха» был не просто нигилистическим отрицанием всего, а строился одновременно и на глубоких рационалистических принципах. Ярким примером тому является творчество А. С. Голованова.

От обширного творческого наследия А. Голованова сохранилось три работы. У Голопосова сохранилось почти все. Жива вдова Суряева. Есть надежда, что у нее сохранились его работы. Жив Р. Штейнбрехт, может быть, у него сохранилось кое-что. Жива вдова Ю. Ряжского. У нее сохранилось много работ мужа. Найдутся работы и у К. Морозова. Далеко не все, но много работ сохранилось у меня.

Но вот Н. Ф. Фролов. С ним дело обстоит значительно хуже. А, казалось бы, должно было бы быть наоборот. Родственников его искать не надо было. Многие годы его родная сестра Нина Федоровна Фролова была секретарем живописной секции МОСХа, чуть ли ни с основания. Для живописной секции она была то же, что Кира Николаевна Львова для графической. Нина Федоровна имела отношение и к нашей МОСХовской библиотеке. Я с ней неоднократно встречался и интересовался работами ее брата. Она сказала, что все его работы погибли при эвакуации. Я все хотел прийти к Нине Федоровне домой, но при своей медлительности все время откладывал. И, в конце концов, узнал, что она скончалась. А ведь при ее жизни у нее можно было бы многое узнать. Можно было бы подробно узнать биографию Николая Федоровича, возможно, сохранились его фотографии, письма и т. п. Теперь придется обращаться к ее наследникам. Но есть ли такие? Она производила впечатление одинокой женщины.

А вместе с тем Н. Ф. Фролов не только одна из ярких фигур «Цеха живописцев», но один из интереснейших художников того времени вообще.

Скромный, сдержанный, может быть, излишне серьезный, он производил впечатление человека волевого, твердого, уверенного в своих устремлениях. Он был в какой-то степени противоположностью К. Суряеву, человеку развязному, остроумному и несколько циничному.

Творчество Фролова было очень самостоятельным. Если в работах Голованова была некоторая взвинченность, эксцентричность, впрочем, никогда не доходившая до истеричности, столь характерной для немецкого экспрессионизма, то работы Фролова, наоборот, покоряли зрителя своей мощной, эпической уверенностью. Они отличались осознанной силой и монументальностью. Это сказывалось и в композиционном строе, и в колорите, и в пластическом решении.

Мажорные, построенные с большим чувством гармонии, работы Фролова были очень сродни работам его учителя А. В. Шевченко. От произведений учителя они отличались только более ярким цветовым решением и большей определенностью цветовых пятен. Запомнился его портрет мужчины в тельняшке, где вместо обычных синих полос были широкие красные полосы, соседствующие с белыми. Белый цвет был не совсем белый, а напоминал скорее белый цвет на русских иконах, а красный был тоже не открытый, а очень найденный насыщенный и точно тлеющий.

В каталогах выставок «Цеха» имеются репродукции с его работ.

Фроловым был написан большой портрет Голованова.

В своем изложении мне не хочется придерживаться хронологической последовательности.

Институт. 1934 год. Живописного факультета еще не было. Но экзамен по живописи был. Поступление в институт было трудным. Я одновременно проходил допризывную подготовку и готовился к экзаменам. Поэтому приходилось так: учебники разрывать по листочкам, прятать листочки за пазуху и читать их урывками во время занятий по военной подготовке. На химию времени не хватило. Помню, вышел я на бульвар с увесистым учебником химии, сел на скамейку, прочитал закон сохранения вещества и почувствовал, что весь курс химии мне за десять минут не усвоить. Пошел и честно сознался директору института Лапину Николаю Федоровичу, что по химии я не подготовлен. Он разрешил сдать потом. А «потом» это, конечно, забылось. Так я был принят на первый курс только что сформированного Московского государственного художественного института. Тогда он еще не назывался именем Сурикова.

Когда писались эти последние строки, произошло непредвиденное.

В ночь с 22 на 23 января 1978 года я проснулся от резкой боли в правом боку. Начались почечные колики. В течение трех дней приступ следовал за приступом. Три раза вызывали скорую помощь. Наконец, я попал в больницу. Обстановку больничную описывать не приходится. Кто побывал там, тот это знает. Была назначена операция, но камень из почки вышел сам, и необходимость в операции отпала. Видимо, выход камня из почки и проход его по мочеточнику сопровождался сильным кровотечением. Выходила кровь и черные сгустки запекшейся крови. Временами я чувствовал себя так плохо, что думал: продолжить свои воспоминания уже не придется. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Камень хоть и застрял в конце мочеточника, но боли прекратились, воспалительный процесс был приостановлен, и я вернулся домой. Состояние было еще болезненное, сказывалось последствие многочисленных уколов. Мысли были еще больничные. Я думал – самым большим несчастьем для человека является то, что он рождается на свет. Из окон больницы я смотрел на корпус, в котором расположился родильный дом, и думал – несчастные, они уже попали в сачок жизни, теперь им уже никуда не деться. Но я почувствовал, что, когда я так подумал, появились какие-то предпосылки к оптимизму. На самом деле. Вот, представляется возможность прожить жизнь. Единственный раз. Можно, конечно, отказаться от этого. Тогда... как это... не жить. Нет, появляется жадное желание воспользоваться возможностью прожить жизнь. Хоть и сознаешь, что это страдание. Великое страдание. И, конечно, прав гениальный знаток жизни – может быть, страдание – это и есть жизнь. Хоть и считал, что человек рождается для счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.